

Совершенно секретно.

РАСЕКРЕЧЕНО

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП (б)-

тов. Е Ж О В У.

Направляю заявление на Ваше имя от ГОЛЕНДО М.С.,
осужденного по делу контр-революционной троцкистско -
зиновьевской организации, - вместе со справкой по его
делу.-

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОВЕТА ССР:

(Г. ЯГОДА)

"23" июля 1935 года

№ 56540

В ЦЕНТР.К-Т ВСЕСОЮЗН.КОММУНИСТ.ПАРТИИ(БОЛЬШ.).

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР.-

От бывш.член ВКП(б) с
1916г.,бывш.зам.НКЗ СССР
и зам.пред.Совнаркома
БССР.

13-го января с/г.я решением Партколлегии при Упол партконтроля по БССР, утвержденным ЦК КП(б)Б был исключен из партии за якобы антипартийное выступление на общем партсобрании завода "Большевик" гор.Минска, 19/1 я был арестован НКВД, а 26/III Особым Совещанием приговорен к 5 годам концлагеря за якобы "контр-революционную работу",и затем посажен в тюрьму (Челябинский политизолятор).

Я прошу ЦК ВКП(б) пересмотреть решение парторганов БССР о моем исключении из партии, а Особое Совещание приговор о заключении меня в тюрьму, так как я приписываемых мне как парторганами БССР, так и Особым Сове- щанием преступлений - не совершал.

На вопрос, обращенный мною к зав.СПО тов.МОЛЧАНОВУ:- "За что я осужден?" - Я получил от него ответ: - "За то, о чем Вас допрашивали и что Вы сами признали в протоколе допроса".

Но "протокол моего допроса" в НКВД был составлен следователем и совершенно не соответствует моим показаниям. Я его подписал лишь после настойчивых требований и угроз со стороны следователя, действовавшего

СЕКРЕТАРЮ ЦК и ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИССИИ ПАРТКОНТРОЛЯ

тов. Е Ж О В У.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР -

тов. Я Г О Д А .

СЕКРЕТАРЮ ПАРТКОЛЛЕГИИ КОМИССИИ ПАРТКОНТРОЛЯ -

тов. ШИРЯТОВУ.

От бывш. члена ВКП(б) с 1926г.
М.С. ГОЛЕНДО.

В дополнение к поданному на имя ЦК ВКП(б) и Наркомвнудела заявлению с просьбой о пересмотре моего дела, излагаю сущность моего дела и мотивы, которые являются основанием для моей просьбы пересмотреть мое дело

С января я возвратился в Минск, после почти двухмесячного пребывания в Москве, где проводил через союзные органы народно-хозяйственный план по БС.И.Р. на 1935г. Хотя работа по плану в Москве далеко еще не была закончена, но я спешил в Минск, надеясь за оставшуюся шестидневку до с'езда советов БССР провести план через СНК и ЦК КП(б)Б. Заседание СНК было назначено на 8/1 и за два оставшихся дня надо было подготовить все материалы плана.

7-го вечером ко мне позвонили из Минского горкома партии с просьбой сделать доклад на закрытом собрании партактива завода "Большевик" об "Итогах ноябрьского пленума ЦК ВКП(б)", предупредив, что проработка этого

цеховых собраниях уже проведена, поэтому мне надо сделать только короткий обобщающий доклад. И как я не был занят подготовкой вопросов к заседанию СНК, которое должно состояться в тот-же день что и доклад, я не счет возможным отказаться от предложения райкома.

Собрание на заводе назначили на четыре с половиной часа, а заседание СНК на пять. За полтора часа времени, которым я располагал, я должен был сделать доклад, выслушать прения и ответить на возможные вопросы. Учитывая краткость времени, которым я располагал до заседания СНК, а также знакомство аудитории с вопросами доклада, я построил схему коротенького получасового сообщения, положив в основу выступление тов. ЖДАНОВА на ленинградском активе по этому вопросу.

Около сотни человек, членов заводской ячейки в валенках и полшубках ожидали меня около 20 минут в холодном нетопленном помещении заводского клуба. Среди присутствовавших на собрании я заметил членов бюро горкома, работников аппарата ЦК ВП(б)Б и представителей местных газет. "К чему такое внимание и торжественность" - подумал я, окинув взглядом с'ежившуюся от холода, молчаливо и сосредоточенно встретившую меня аудиторию.

Я начал свой доклад с огромных побед, достигнутых партией во всех областях социалистического строительства, недаром последний 17 с'езд партии вошел в историю как с'езд победителей. Ярким свидетельством новых успехов и побед партии и ее руководства является только

что принятые решения ноябрьского пленума ЦК об отмене карточной системы на хлеб и хлебные продукты. Карточная система была введена около шести лет назад, в начале первой пятилетки, когда выяснилось, что технически отсталое, социально раздробленное с.-х. не могло удовлетворить потребностей быстро растущего народного хозяйства, в хлебе и сырье.

Для того, чтобы ликвидировать отставшие с.-х., привести его соц.-технической базис в соответствие с другими отраслями народного хозяйства, мы приступили к грандиозной соц.-технической реконструкции с.-х. к ликвидации кулачества, как класса.

Социалистическая реконструкция с.-х. встретила саботаж и бешеное сопротивление кулачества, что усугубляло наши продовольственные затруднения.

- "А разве до 1929г. партия не боролась с кулаком и кулак не сопротивлялся?" - слышу я реплику с места представителя райкома, вызвавшую легкий шорох и переглядывание аудитории.

- Да боролась и встречала сопротивление кулачества, - отвечаю я на реплику. Но меры борьбы и степень сопротивления кулачества были различны. Мы тогда ограничивали эксплуататорские стремления кулака, но не уничтожали основ этой эксплуатации, не ликвидировали кулачество, как класс, не строили в таком размахе колхозов и совхозов, поэтому и сопротивление кулачества было не такое яростное.

Я начал раз'яснять разницу в политике партии в с.-х. и ее отношения к кулакам в эпоху восстановительную и эпоху реконструкции.

Вынужденный ответ на эту реплику непропорционально выпятил вопрос о сопротивлении кулачества, заставив меня свести остальные вопросы для того, чтобы уложиться в получасовое время доклада.

Я говорил дальше о значении отмены карточной системы на хлеб, как первого шага к отмене карточной системы вообще, о влиянии ее на укрепление рубля, на усиление международного престижа СССР. Я говорил о смысле и значении слияния политотделов с райкомами. О плане животноводства. "Все эти решения пленума говорят о новых успехах, о новых победах нашей партии, являющихся результатом правильного руководства ЦК во главе с мудрым вождем тов.СТАЛИНЫМ; вопреки сопротивлению этой правильной линии партии, открытой борьбы против нее "правых" и "левых" оппортунистов. Наши успехи вызывают приступы бешеной злобы наших врагов как за пределами нашей страны, так и внутри ее, желание уязвить нашу партию и Соввласть. Примером этому является гнуснейший акт убийства тов.КИРОВА подлыми, трижды презренными и проклятыми подонками зиновьевской оппозиции. Но эти укусы еще недобитого врага не поколеблют наших рядов. Мы еще теснее сплотимся вокруг ЦК, вокруг тов.СТАЛИНА и поведем страну к новым победам. На этом я свой доклад закончил.

Градом посыпались на меня устные и письменные вопросы, едва я успел опуститься на стул, закончив доклад.

- "Почему Вы об'яснили введение карточной системы капитуляцией партии перед кулаком?"

- "Почему не сказали о позиции КАМЕНЕВА - ЗИНОВЬЕВА в 1917г. и их связи с ТРОЦКИМ?"

- "Почему не сказали о своей оппозиционной работе?"

- "За что Вы получили выговор?"

- "Почему на Вас была карикатура в "Крокодиле"?"

- "О чем Вы писали в "Большевике" в 1925г.?"

- "Почему не явились на доклад, который Вам поручил горком на заводе МОЛОТОВА?"

Только два - три вопроса относились к существу доклада из нескольких десятков, заданных вопросов, все же остальные относились к моей прошлой работе. Как будто я пришел докладывать на пленуме ^{ЦК} на завод "Большевик", а на свою ячейку для прохождения чистки. При этом аудитория, видевшая впервые меня нового человека в БССР, оказалась более чем я сам осведомлена о моем прошлом, так как мне задавались вопросы по поводу таких фактов, о которых я впервые слышал. Очевидно, перед началом собрания ее кто-то основательно подготавливал, передавая частью действительные, а частью вымышленные факты в соответствующем освещении.

Я отвечал, что причины введения карточной системы я об'яснил так, как об'ясняет ее партия в своем решении об отмене карточной системы, никаких других точек зрения у меня нет и приписывание мне других взглядов есть чистое недоразумение. На вопросы, почему я не сказал о позиции КАМЕНЕВА - ЗИНОВЬЕВА, ТРОЦКОГО в 1917г., о своей причастности к оппозиции, о "Крокодиле", о статье

ях 1925г., о вымышленном моем секретарстве у КАМЕНЕВА и т.д.. - "Потому что, - говорил я, - эти вопросы к теме доклада об "итогах ноябрьского пленума не относятся", там обсуждались вопросы отмены хлебных карточек, реорганизация партработы в деревне и вопросы животноводства а не позиция КАМЕНЕВА - ЗИНОВЬЕВА - ТРОЦКОГО и моя автобиография. Если эти вопросы товарищей интересуют и аудитория согласно слушать, я отвечу на них в заключительном слове."

Начались прения. У всех выступавших был один тон: доклад не удовлетворил их, ничего не сказал о борьбе оппозиции против партии, о своих ошибках, много говорил об убийстве КИРОВА, уваливал от ответов на вопросы отсюда вывод - надо просить горком таких докладчиков не присылать.

Для меня было ясно, что аудитория заранее была подготовлена, проинструктирована, от меня требуют отчета о своей работе в партии за все прошлые годы и что бы я не говорил, все равно оценка одна - неудовлетворительно.

Тем не менее, я терпеливо, в заключительном слове еще и еще раз раз'яснил, как я понимаю причину введения карточной системы и только не желающий меня слушать и понимать может подсовывать мне троцкистско-зиновьевский тезис о причинах введения карточной системы. Я признал за ошибку свою доклада, что не дал развернутой критики взглядов троцкистско-зиновьевской оппозиции.

(хотя ~~я~~ это не входило в тему моего доклада) подверг критике все свои ошибки, дал ответ на все вопросы, подробнее остановился на убийстве тов.КИРОВА (хотя это вопрос дважды обсуждался на ячейке).

Представитель горкома резюмировал доклад, как неудовлетворительный с неправильным освещением вопроса о причинах введения карточной системы, недостаточным освещением и критикой троцкистско-зиновьевских взглядов и собственных ошибок и предложил довести до сведения горкома обо всем для соответствующих выводов. Сформулировать резолюцию было поручено президиуму собрания.

С тяжелым чувством уезжал я с собрания на заседание СНК. Из-за моего трехчасового опоздания вопросы плана были сняты с обсуждения. На следующий день, едва успел я переступить порог кабинета, секретарь подает мне местные газеты с огромной ~~а~~йкой на первой странице "Контрабандное протаскивание троцкистско-зиновьевских к.-р.взглядов". "О выступлении ГОЛЕНДО". Заранее приглашенные корреспонденты успели к следующему номеру несмотря на то, что собрание окончилось в 9 час.вечера изобразить меня чуть-ли не исчадием ада, если не благославляющем, то во всяком случае оправдывающим убийство тов.КИРОВА.

На назначенное на 10 час. утра совещание под моим председательством по вопросам текущей работы СНК, почти никто не явился. Для меня стало ясно, что про-

работка меня была заранее Горкомом прекрасно организована, если не по инициативе, то с согласия бюро ЦК.Б. Невозможно допустить, чтобы органы ЦК и СНК Белоруссии об'явили зам.пред.Совнаркома и члена ЦК оруженцем контр-революции, прежде чем этот вопрос не был обсужден на ЦК или прежде чем не получено согласие ЦК.

Дальше события развивались с кинематографической быстротой. Райком, ячейка, бюро ЦК, партколлегия, вновь бюро ЦК, чтобы я не говорил - твердили одно: распусти его, распусти его! Смягчались или усиливались формулировки, но сущность оставалась одна и та же: из партии исключить? Там, где люди не понимавшие, что произошло, почему надо человека исключать, проявляли колебания (например, в ячейке) - явились представители ЦК и Горкома и требовали немедленно выгнать из партии, эти колебания клеймили как гнилой оппортунизм. Даже бюро ЦК вначале проявляло колебание: как быть, но после того, как "Правда" в заметке от 11/1 повторила обо мне примерно то-же, что и местные газеты, - вопрос был решен "немедленно".

Вечером позвонили из Москвы, что "Правда" поместила заметку обо мне 12/1, Партколлегия вынесла решение об исключении из партии, а 13/1 это решение было утверждено бюро ЦК.

13-го вечером собирался съезд Белоруссии, моей родины, съезжались представители миллионов подводить итоги побед, делиться опытом, намечать дерзновенный

план будущего, а я - плоть от плоти и кровь от крови, сын этого трудового народа, 18 лет своей жизни отдавший борьбе за эту новую жизнь, активно руководивший строительством этой жизни, в день открытия с'езда - изгнан из рядов авангарда строителей, заклеен позорным клеймом врага. За что? Что произошло?

Разум отказывается понимать и только режущая боль сознания, чего-то рокового, непонятного, происшедшего со мной, пронизывала мысль, парализовала все движения тела. Я не мог выносить всей этой гнетущей обстановки. За несколько часов отправился на вокзал для того, чтоб не слышать звуков торжественной музыки из зала уже открывавшегося с'езда. Нет, скорей отсюда в Москву, в ЦК, там люди меня знают, разберут это чудовищное обвинение, являющееся результатом каких-то ложных материалов, каких-то непонятных недоразумений.

С щемящим чувством одинокого человека, случайно очутившегося за бортом полным ходом идущего корабля, ступил я на улицы Москвы. Я твердо верил, что в ближайшие дни дело будет разобрано и я, активный член команды этого корабля, случайно выброшенный за борт, буду подобран, мне не дадут утонуть, я возвращусь в тесно спаянную команду нашей партии, находящуюся под руководством испытанного капитана тов.СТАЛИНА.

Почти все руководящие члены Комиссии партконтроля находились на заседавшем в то время Всероссийском с'езде советов и я не мог в ближайшие дни никого увидеть. Я только успел написать заявление в партколлегия

с изложением сути дела, с просьбой исправить ошибку белорусских организаций, восстановить меня в правах члена партии. Только успел перепечатать и отослать его как....

В ночь с 19-го на 20-е января ко мне на квартиру являются три агента НКВД с ордером на производство обыска и моего ареста. Если бы явились трое санитаров с Канатчиковой дачи и пред'явили ордер на отправку меня в дом сумасшедших, то я вероятно менее был-бы удивлен, чем этим агентом НКВД. Но ордер был ордером, подписан знакомой рукой ПРОКОФЬЕВА. Глазами ошеломленного зрителя, ничего не понимающего в происходящем, смотрел я, как три человека всю ночь работая в книгах, пересматривая каждый листок и даже подчеркнутую строчку, копаются в столах, шкафах, в уборной, колонке ванны, распаривают швы верхней одежды, срывают обивку мебели, забирают все документы личные, личную переписку с женой, студенческие учебные тетрадки, блокноты пишущую машинку и... сберкнижку со всеми наличными деньгами. Обыскивают также тщательно комнату мужа моей сестры, забирают его переписку (хотя никакого ордера на обыск у него - не было), нагружают чемоданы и предлагают мне одеваться. Я механически, ни слова, ни говоря, одеваюсь и отправляюсь уже под охраной в... тюрьму, сначала Внутреннюю НКВД, а затем в бывш. военно-каторный корпус Челябинской тюрьмы или как он назван в решении Особого Сопещения " в Челябинский

концлагерь особого назначения".

Во время моего исключения из партии в парторганизации БССР, я вызывался на заседания, где разбирался мой вопрос, имел возможность, хотя безуспешно, но защищаться, мог для себя об'яснить причины и мотивы, побудившие эти организации исключить меня из партии. Свое исключение из партии в БССР я об'ясню натянутостью отношений, которые у меня были с парторганами БССР, особенно Минским горкомом. В СНК БССР я, наряду с другими вопросами, ведал наиболее животрепещущим в нашей работе вопросом распределения материальных ресурсов для производства и строительства. На почве этого распределения у меня сильно обострились отношения с Минским горкомом и некоторыми членами бюро ЦК. Это обостренное отношение сказывалось во всей моей практической работе, в непрерывной придирке ко мне, напоминании буквально без всякого повода о моих бывш. ошибках, вынесении мне выговора по пустяку (о чем я уже писал в Партколлегия).

Я не раз просил ЦК КП(б)В отпустить меня из БССР и так как моей просьбы не удовлетворяли, то я держался в белорусских организациях несколько замкнуто, погружившись в работу лишь в своей ячейке, где я этого предвзятого отношения к себе не чувствовал. Убийство КИРОВА и настороженное в связи с этим отношение к членам партии бывш. до 1928г. в оппозиции, или имевших к ней то или иное отношение (вроде меня), дали повод тому, кто этого хотел, свести со мной счеты. Бюро ЦК КП(б)В сначала колебавшееся, санкционировало это решение Минск.горкома, особенно после заметки в "Правде"

полагая, что в этот острый момент, лучше санкционировать исключение и если это будет ошибка, то пусть ее исправят в Москве. Так и только так я об'ясняю ...

Но я никак не могу об'яснить причину моего ареста а тем более заключения моего на 5 лет в тюрьму. Не знав в чем состояла моя "контр-революционная работа", как мотивировало Особое Собрание мой приговор. Никто, кроме следователя, до выяснения приговора меня не вызывал, никто со мной не говорил, никто, в том числе и следователь, никаких фактов, доказывающих чудовищные обвинения, возведенные на меня, не приводил.

Уже после приговора, кажется числа 3/1У я после настоятельной просьбы был вызван в зав.СПО - тов. МОЛЧАНОВУ. На мой вопрос: "За что же меня сажают на 5 лет в концлагерь?" - МОЛЧАНОВ ответил: " За то, о чем Вас допрашивал следователь" и уже в конце разговора, когда я продолжал высказывать свое недоумение, добавил: "Что Вы, ГОЛЕНДО, притворяетесь? Мы Вас давно знаем, уже лет 10 за Вами следим, знали, что Вы все время работали против партии, занимались контр-революционной работой". Я ручаюсь почти за дословность его ответа. Последним словам о якобы моей 10-ти летней контр-революционной работе я не придаю никакого значения. Трудно себе представить, чтобы человек, о котором есть у ГПУ материалы о его контр-революционной работе, оставался в рядах партии, назначался на пост члена Коллегии, зам. Наркома земледелия СССР, член Кол-

легии ЦКК РКМ СССР, Зам.пред.Совнаркома Белоруссии и т. д.. Все это в лучшем случае говорилось для красного словца, а скорее всего для запугивания. Очевидно основным, если не единственным материалом для моего обвинения послужил протокол моего допроса следователем БЕЛКИНЫМ.

Каков же характер был моего допроса и как был составлен протокол допроса?

21-го ночью, через сутки после ареста, я был вызван на допрос к следователю, в котором я узнаю руководителя моего обыска. Прежде чем начать допрос, следователь обратился ко мне со следующим вступительным словом:

- Вы арестованы с ведома и согласия ЦК партии. Я разговариваю с Вами, как представитель партии и диктатуры пролетариата; Вы должны представлять всю остроту и серьезность настоящего момента; вы читали, конечно обвинительное заключение и приговор по делу ЗИНОВЬЕВА КАМЕНЕВА, уже знаете в чем дело и Ваш долг чистосердечно все рассказать, что Вы знаете, помочь партии найти в ее рядах скрытых врагов.

- Я прекрасно понимаю всю остроту момента, знаю, что член партии должен говорить органам партии и диктатуры пролетариата правду, но что Вы от меня хотите? недоуменно я отвечаю и задаю ему вопрос.

- Что Вы можете сказать по поводу своего выступления на партсобрании в Минске, о чем напечатано в "Правде"?

Я повторил примерно то, что писал в партколлегию Комис. партконтроля 16/1 и что я сказал в настоящем письме.

- А что Вы скажете по поводу Вашей оппозиционной работы за все время Вашего пребывания в партии?

- Не понимаю, почему этот вопрос является предметом расследования НКВД. О моих партийных ошибках партия прекрасно осведомлена, они разбирались на всех предшествующих чистках и по ним уже ^{давно} ~~давались~~ соответствующие органы партии вынесли свое суждение. Но если Вас это интересует я могу сказать, что в 1921г. во время дискуссии о профсоюзах я голосовал за Бухаринскую платформу; в дискуссию 1923г. поддерживал оппозицию в вопросе внутри-парт. демократии и в 1926/27г. разделял взгляды оппозиции по трем вопросам: о характере и темпе развития деревни, о темпах развития промышленности и о внутр.-парт. демократии, но не поддерживал и не согласен с ней, а согласен с партией по вопросам о возможности построения социализма в одной стране, по вопросу об отношении партии к крестьянству, особенно к середняку и о недопустимости фракционной работы.

Поэтому в троцкистско-зиновьевскую фракцию не входил, фракционной платформы и других документов не подписывал, участия в их фракц. работе не принимать и когда увидел, что оппозиция ведет партию к расколу еще до до 15-го с'езда отказался поддерживать и в ~~них~~ трех вопросах, по которым я с ними солидаризировался. Партия разбирала мою позицию, оценила ее, вынесла мне

выговор, но не исключила из своих рядов и не снимала с работы.

С конца 1927г. я с оппозицией никаких дел не имею стоял и стою по всем вопросам за линию партии, за ЦК, во главе с тов.СТАЛИНЫМ.

- Поддерживали-ли Вы связь с бывш. оппозиционерами после 1927г. и виделись с кем-нибудь из руководителей оппозиции? - продолжает допрашивать следователь.

- Еще раз повторяю, никакой связи с ними не поддерживал. Один раз видел КАМЕНЕВА. Это было летом 1932г. на курорте, куда КАМЕНЕВ как раз приехал в тот дом отдыха, где отдыхал и я. Но никаких разговоров на политические темы с ним не было.

- А как Вы считаете лично, КАМЕНЕВ все время состоял на позиции ЦК партии? - задает вопрос следователь с едва заметной ехидной улыбкой.

- Повторяю, я с КАМЕНЕВЫМ на политические темы не говорил, не знаю - есть-ли у него какие-нибудь идеи за душой. Но моя оценка его такова, что он не примирился с тем положением, в котором он находится сейчас, у него осталась личная обида, а может и злоба, которую он еще за пазухой носит.

- Какие у Вас факты?

- Никаких. Моя суб'ективная оценка, вытекающая из личного наблюдения над ним на курорте, что он не особенно весел, угрюм был, да и ЦК очевидно так оценивает его, не подпуская его к политической работе.

- Так как, это только Ваша оценка, говорите? только на основе того, что невесел был? - не то выража сомнение в правильности моих слов, не то обращаясь ко мне с вопросом говорит про себя следовательно, играя лежащим перед ним пресс-папье, - ну, а еще кого видели, о чем с кем говорили?

- Еще видел СМИЛГУ, в том-же доме отдыха и в том же году. Он рассказывал целый .компании., в которой, твердо помню, был БУХАРЦЕВ, кажется ФЕЙГИН и не помню кто еще, о своем докладе на партактиве Госплана, о контрольных цифрах на 1933г. В его словах, насколько помню, была такая мысль, что в руководстве нашим хозяйством много административного и мало экономического регулирования. Видел часто на СНК ... ПЯТАКОВА, ни о чем никогда не говорил, видел в столовой СНК ТУМАНОВА и очень часто РЕЙНГОЛЬДА, с которым работал вместе в НКЗеме, да и после ухода из НКЗ продолжал видаться в столовке часто. Нас с Р. об'единяла общность работы в Наркомате, из жизни которого он много рассказывал анекдотов и смешных историй про руководящих работников. Видел еще в доме отдыха как будто того ФЕДОРОВА, который осужден, я тогда и знаком с ним не был.

Кроме того, раз я видел случайно БАБАХАНА, бывш. секретаря КАМЕНЕВА, но никаких разговоров не было, да я с ним и знаком мало. Вот и все.

- Расскажите подробнее о взглядах РЕЙНГОЛЬДА и его анти-партийной работе.

- Ничего больше сказать не могу. Кроме того, что сказал. Могу добавить, что никаких антипартийных работ я за ним не замечал.

- Да Вы скрываете, выгораживаете его. А ведь он уже сидит и арестован с Вами в одну ночь?

- Может быть, но я ничего не знаю.

- Ну, так и быть, будем знать, что Вы из-за фракционных соображений выгораживаете своих друзей. Пойдем дальше. Что Вам известно о методах борьбы оппозиции с партией, методах ее к.-р. работы?

- Методы ее работы мне известны лишь из газет, из обвинительного заключения, других путей у меня не было их знать, да и не хотел, так как повторяю я на протяжении последних 8 лет работал, будучи искренне согласен с партией по всем вопросам.

На этом мой допрос закончился.

- А теперь приступим к формулировкам Ваших показаний, - заявил мне следователь после очень длинной паузы, во время которой он долго что-то писал, заглядывал в какие-то бумаги, как-бы совершенно забывая о моем присутствии. - Только я Вас предупреждаю, что все то, что Вы, ГОЛЕНДО, показывали это чепуха, никто Вам не поверит, да и нам не нужны такие показания. Давайте запишем так, как это было на самом деле и как это нам нужно.

- Т.е. как это, на самом деле было? Я ведь Вам говорил то, что было на самом деле. Что же Вы хотите, что Вам нужно?

Здесь следователь весело подмигнул, взял лист бумаги, лежавший перед ним на столе, и начал читать протокол допроса по первому пункту:

- "Я, ГОЛЕНДО, выступил на общем собрании завода "Большевик" с к.-р. анти-партийным докладом, в котором развил к.-р. троцкистско-зиновьевский тезис о том, что причиной введения карточной системы является капитуляция партии перед кулаком, выпятив вопрос сопротивления кулачества и замазав вопрос об отставании с.-х.", дальше идет перечисление других неправильных "анти-партийных" тезисов ~~хххххххх~~ моего доклада. Как они записаны в решениях белорусских парторганов. "Это произошло", - продолжает дальше читать следователь, - "вследствие того, что я не изжил троцкистско-зиновьевских к.-р. взглядов и вследствие того, что я не порвал с оппозицией связей, которые хоть формально и не имели политического характера, но по существу связывали меня с оппозицией".

Я изумленными глазами глядел на следователя, пока он читал, и когда он кончил, прямо вскрикнул:

- "Да ведь это неправда, я Вам этого не говорил, зачем Вы пишете это?"

- Вот что я Вам скажу, ГОЛЕНДО. Я человек опытный, плохого Вам не желаю и искренне советую Вам, давайте так напишем. Ведь партия уже признала, что Вы это говорили, Вас в Белоруссии исключили из партии, ЦК дало согласие на Ваш арест и лучше признайтесь, что это было так, а то Вы сами знаете плохо бывает,

когда не сознаются люди, то вопрос будет стоять лишь в том - оставить-ли Вас в партии или нет, я думаю даже оставят и пошлют куда-нибудь подальше от Москвы на ответственную работу; будете упираться, имейте ввиду, хуже будет, пеняйте на себя, - закончил он, пригрозив мне пальцем.

- Но ведь это неправда?

- Что значит неправда? Напишем, Вы подпишете, вот и будет правда.

- Но зачем это, кому это нужно?

- Кому, кому, я уже Вам говорил, что прежде всего Вам нужно, да и нам это нужно.

- Нет, мне это не нужно, да и партии это не нужно, а что значат эти буквы "к.-р."?

- Это значит контр-революционный.

- Для чего это Вы пишете?

- А так, форма у нас такая. Это значения не имеет а иначе мы никому не пишем.

- Нет, я не согласен. Все это неверно, - отвечаю я.

- А я иначе писать не буду, - резко с угрожающим видом отчеканил мне следователь. Ну пойдем дальше.

- "На протяжении последних лет, я имел встречи с КАМЕНЕВЫМ, СМИЛГОВ, РЕЙНГОЛЬДОМ, ТУМАНОВЫМ, ФЕДОРОВЫМ БАБАХАНОВ. Все указанные лица не разоружились и держат камень за пазухой против партии. Местом встречи являлся дом ЦИК и столовая СНК. Встречи происходили во время моих поездок в Москву", - продолжает читать дальше следователь.

- Слушайте, что Вы пишете? Ведь я Вам говорил, что с КАМЕНЕВЫМ я виделся один раз и то случайно, с ФЕДОРОВЫМ даже не знаком, с БАБАХАНОМ в Сочи на улице один раз. Я не говорил, что все они держат камень за пазухой, а высказывал лишь мое мнение о КАМЕНЕВА, с сердцем возражаю я.

- Это общий пункт, что в нем говорится? Что Вы виделись с КАМЕНЕВЫМ, с ФЕДОРОВЫМ, ТУМАНОВЫМ и т.д.. Ведь это все было верно? Против чего Вы спорите, что я место встречи неправильно указал. Я не могу перечислять всех мест Ваших встреч. Вот дальше будут конкретные пункты, где мы подробно характеристику каждому дадим. Давайте, перейдем к конкретным характеристикам:

"КАМЕНЕВ всем своим нутром полон злобы против руководства партии и советской власти".

"СМИЛГА, под видом вопроса, что у нас слишком много экономического и много административного регулирования, критиковал и выступал против руководства партии и соввласти, яретив в вопросах экономики".

"РЕЙНГОЛЬД, уклоняясь от прямой критики и прямого высказывания по политическим вопросам, рассказывал анекдоты и распускал сплетни про руководство партии".

- Послушайте, что Вы пишете, ведь я не говорил, что КАМЕНЕВ полон злобы против руководства, СМИЛГА под видом вопроса об экономическом регулировании, критиковал руководство партии, а РЕЙНГОЛЬД рассказывал анекдоты про руководство партии, - это все Ваши измышления

- А по Вашему, ГОЛЕНДО, СМИЛГА для чего это говорил? Вы что маленький, не понимаете? Если Вы не пони-

маете, то мы понимаем? Член ЦК - это не руководство партии?

- Да, это все-же не одно и то-же.

- По Вашему не одно, а по нашему одно и то-же. Продолжаем дальше. Как мы запишем о методах борьбы оппозиции с партией? Давайте мы возьмем заключительные формулировки во вчерашней передовой "Правды" на счет методов борьбы. Хотите я прочту?

- Читайте.

- "Основные методы борьбы оппозиции против партии была клевета, распускание слухов, дискредитирование руководства, отравление атмосферы, подрыв доверия" и т.д.. Хорошо. Запишем.

- Пишите, но это не мои формулировки и не мое определение.

- А разве Вы с ним не согласны? Ведь это "Правда" пишет?

- Так Вы напишите, что это "Правда" пишет? - говорю я.

- Не все-ли равно, откуда, раз Вы с этим согласны. Давайте дальше пойдем. Последний вопрос. Что Вы думаете ФЕДОРОВ, СМЛГА, КАМЕНЕВ, случайно встречались?

- Судя по процессу, возможно, ФЕДОРОВ и КАМЕНЕВ не случайно, а на счет СМЛГИ, - не знаю.

- Не знаете? Так знайте, СМЛГА уже тоже сидит. Итак, запишем:

- "Насколько мне известно, организационная связь между оппозицией шла по линии КАМЕНЕВ-ФЕДОРОВ-СМЛГА,

СМИЛГА-РЕЙНГОЛЬД- ГОЛЕНДО, КАМЕНЕВ-БАБАХАН.

- Послушайте, ведь я этого не знаю. Я сужу лишь по процессу, что встреча могла быть не случайной, а о СМИЛГЕ лишь по Вашим словам. А к чему Вы меня к РЕЙНГОЛЬДУ приплетаете?

- А Вы что виделись с ними зря? Вы думаете Вам кто-нибудь поверит?

- Вы не верьте, но не перевирайте моих слов. Ведь все, что Вы пишете - это неправда.

- Как? - Неправда? Так Вы пришли к партии с новинной? Вы так разоружаетесь? Двuruшник! Обманщик! На колена должны стать перед партией, прощения просить, а Вы еще прикрывать выдумали их, не хотите помочь партии вскрыть ее врагов. Обелить их хотите? Вы Вас научим, как надо говорить с партией. - Здесь следовательно настолько поднял голос, что лицо его сделалось багровым, слова вылетали вместе со слюной, разлетались по углам, заглушались угрожающим стуком кулака по столу и эхо отдавалось в длинных коридорах громадного здания.

Я молча слушал эту длинную тираду угроз, восклицаний, то иногда затихавших, то с новой силой низвергавшихся как только я делал недоуменные глаза или пытался раскрыть рот и что-нибудь возразить.

Было три часа ночи. Уже свыше пяти часов длился мой допрос. Наступили вторые сутки с того момента, как я переступил порог советской тюрьмы, сутки, которые по

глубине переживаний и психических потрясений стоят больше, чем все пережитое мной за годы революции, когда я не раз совершенно спокойно стоял перед смертью в боях с врагами революции.

Проходила вторая ночь, а глаза еще не смыкались, я еще не дотрагивался до пищи. Уже утихавшие выкрики следователя казались каким-то далеким шумом, заглушавшим все еще отдававшиеся в ушах отзвуки скрежета замочных скважин тюремных дверей, а его угрожающая жестикуляция отвлекала от неотвязно стоявшей перед глазами самой унижительной и самой позорной сцены, — пережитой в моей жизни — повального обыска квартиры и личного обыска с раздеванием до гола с ощупыванием всех закоулков снятого платья и обнаженного тела, затем фотографирования с поворотом головы во все стороны и со знакомым ~~знакомым~~ ~~знакомым~~ по старым фотографиям значком на груди, изображающим начальную букву моей фамилии. Едва успел защелкнуться замок одиночной камеры, как через открытый глазок в двери моей камеры на меня уставился сверлящий глаз приставленного для неустанныго наблюдения смотрителя как за редким экземпляром пойманного зверя, подлежащего изучению зоологов, или редким экземпляром преступника, подлежащего изучению криминологов.

Этот постоянно наблюдающий глаз, злоеющая тишина, прерывающая режущим по нервам скрежетом замков, разговор только шопотом, поминутные приказания: "у окна стоять нельзя", "у дверей стоять нельзя", "голову накры-

вать нельзя", "класть вещи на стол и на окно нельзя", создавали обстановку, в которой я ничего не понимал; все было до того дико, нелепо, чудовищно и все недопускало никаких вопросов, никаких возражений, а если они прорывались, то на них был лишь один ответ: - "Не разговаривать, выполнять распоряжения". И я выполнял, обратившись в какую-то вещь, в истукана, у которого парализованы все волевые и мыслительные центры, сохранил лишь один подсознательный рефлекс на приказание "выполняй распоряжения".

Эти впечатления какими-то обрывками проносились в переполненной и в то-же время опустошенной не-человечески уставшей голове. А следовавшая за пережитые сутки сцена допроса и составления протокола, где все делалось наоборот, вопреки разуму, только дополняли и подтверждали впечатления, отложившиеся в голове за прожитые сутки. Или я сошел с'ума, или все это во сне, в бреду - думаю я. Не может быть, что на самом деле меня считали претспуником, от меня требовали подписаться во имя интересов моей пролетарской власти и моей коммунистической партии под неправильными показаниями... Нет, этот сон пройдет, все выяснится, а пока буду выполнять приказания, не буду сопротивляться ничему, как бы то нелепо не было требование.

Следователь успокоился. Он принялся переписывать уже сформированные "показания".

- Теперь у нас дело быстро пойдет, - говорит он самодовольно. - Так мы еще разика три-четыре побеседуем и Ваше дело закончим.

- Когда же Вы думаете кончать? Нельзя ли скорее?

- К 1/II безусловно закончим. Только-бы успеть мне поймать руководство НКВД и доложить ему.

- А я буду иметь возможность встретиться с руководством и поговорить, - спрашиваю я.

- Безусловно, поговорите и не раз. Еще дадим возможность написать Вам заявление в ЦК.

Я дальше не обращал внимания на то, чтоследователь пишет в протоколе, надеясь встретиться с руководством, выяснить, что все это значит, за что я сижу в тюрьме, почему от меня в интересах партии и диктатуры пролетариата требуют подписать заведомую неправду, согласованную следователем. Не перечитывая того, что переписалследователь, я механически подписался под подсунутыми мне листами протокола, желая скорее уйти от этой шести-часовой пытки бесполезного спора, выслушивания окриков и угроз. Меня увели в камеру.

Как в бреду, полусознательно, я шел по бесконечным коридорам и лестницам НКВД, выполняя десяток приказаний конвоиров: "остановитесь", "повернитесь лицом к стене", "двигайтесь", "быстрее", "медленнее", тише, не стучите ногами".

Как только защелкнулся замок камеры я повалился на железную со старым измызганным матрасом койку, без подушки, стараясь принять положение, при котором я мог спрятаться от немедленно установившегося на меня глаза наблюдателя. Напрасно. С огромным напряжением силился я осознать и понять происшедшее, но голова не

работала, мысли путались, нервы натянуты до отказа. Скорее раздобыть бумагу, перо, написать в ЦК, ЯГОДА, просить их вызвать меня, об'яснить, что все это значит.

Стучу дежурному, прошу бумаги и перо.

- "Зачем Вам?" - слышу шопот через глазок.

- Писать заявление, также стараясь шопотом, отвечать.

- "Кому"?

- Наркому, тов. ЯГОДА.

- "Не могу дать. Обратитесь по этому вопросу к следователю.

Я обратился, но он разрешил. Неужели я не могу никому писать?

- Можете писать только следователю и н-ку тюрьмы и то только вот на таком листочке, тут он показал клочок бумаги в 1/32 части размером.

Я написал следователю просьбу дать мне копию вчерашнего протокола, или вызвать меня. В следующую ночь я опять был вызван. Первыми моими словами, с которыми я обратился к следователю, едва перешагнув порог кабинета, были:

- Подписанный вчера мной протокол это ведь все неправда. Дайте мне его.

- Подписанный протокол есть официальный документ. Никому он выдан не может быть, - сухо, строго и официально отвечает мне следователь. Что Вы находите в нем неправильным?

Я начал перечислять все то, что считал в нем неправильным. Следователь вначале угрюмо и сосредоточенно слушает, затем по мере перечитывания каждого нового неправильного пункта, его лицо меняется, делается злобным. Он вскакивает со стула.

- Ах, так Вы отказываетесь от подписанных показаний? Вы так каетесь? - дальше пошли грубейшие угрозы, засадить меня в тюрьму, беспощадно расправиться как с ярым врагом. Я молча слушал уже знакомую брань, все еще не понимая, что со мной делают, чего хотят.

- Так Вы подтверждаете свои показания? Да нам и не нужно особенно-то Ваших подтверждений, раз Вы протокол подписали.

- Я от своих показаний не отказываюсь, но от Вашей записи их отказываюсь.

- Ну, так подпишитесь, что Вы подтверждаете свои показания.

Я подписал.

- А теперь вот что: у нас есть подозрения, что Вы, ГОЛЕНДО, - не ГОЛЕНДО, и живете по чьим-то поддельным документам; мы Вас разоблачим, - неожиданно ошарашивает меня следователь, ежидно улыбаясь.

Дальше начался допрос, кто я и что, где был и что делал в таком-то и таком-то году. Я совершенно безразлично относился к дальнейшим расспросам и записям следователя, решив, что разговаривать мне с ним не о чем, а что избавить меня от дальнейших грубостей, ос-

корблений, угроз - буду подписывать все, чтобы он не написал. И если бы он дал подписать мне составленный в таком духе протокол, что я, ГОЛЕНДО, не ГОЛЕНДО, член партии с 1916г., бывш. активный участник революции и гражданской войны, бывш. зам. Наркомзема СССР и зам. пред. СНК БССР, а какой-нибудь шпион, вроде ЛОУРЕНСА, присланный ГИТЛЕРОМ для организации восстания и террористических актов против соввласти, - я не задумываясь подписал-бы и этот документ, будучи глубочайше убежден что все это какая-то мистификация, бред или попытка, которая рано или поздно выяснится.

Я миллион раз уже позже обдумывал, задавал себе вопрос, почему я подписал ложный документ. Ответ может быть только один: что это требовалось именем партии и советской власти в ее интересах, при обстановке исключительной моральной придавленности. Сознавая, что все это нелепица, я не мог поставить следователя, действовавшего именем партии и власти в положение моего врага, равно как не представлял и не представляю никогда не смогу представить себя в отношении врага партии и соввласти, а потому не мог дать отпор, мобилизовать себя для отпора. Я был глубоко убежден, что моя партия и моя власть, которой я безгранично предан и верю, не может мне сделать плохого и если от меня требуют даже подписи под неправильными показаниями, то это или ошибка, которая будет исправлена, или так в данный момент нужно и мне будет раз'яснено, почему так нужно. Но требования я должен выполнить. И я выполнил.

Я вызывался еще два или три раза на допрос. От меня требовали показаний о контр-революционной деятельности РЕЙНГОЛЬДА и около десятка мне совершенно неизвестных лиц и фамилий, о которых я впервые слышал от следователя и "полного до конца разоблачения моей контр-революционной работы", якобы известной следователю в деталях.

Зачем ему мои разоблачения, раз уже все известно в деталях, я не спрашивал. Все эти требования сопровождались совершенно неслыханным тоном грубости, беспрерывных угроз.

29-го или 30-го января мне был пред'явлен ультиматум: или я буду давать дальнейшие показания и тогда никакого мне наказания не будет, меня оставят в партии разве только пошлют в другой город на ответственную работу, или же найдут другие способы, чтобы заставить меня показывать и рассказывать.

- Что это за способы? - спрашиваю я.

- 58 статья.

- А что она значит?

- Наказание за контр-революционные действия до 10 лет тюрьмы и даже до расстрела.

- Кто же будет определять мою виновность?

- Высшая Коллегия Верховсуда. Вот закончим следствие и дело передадим суду.

- Когда же этого будет суд? Спрашиваю его.

- Это дело еще не скоро. Такое дело как Ваше разве можно быстро закончить? Для него нужны месяцы.

- Вы же обещали к 1-му февраля кончить?

- Это при условии, что Вы будете давать показания. Вы же ничего не показываете о своей к.-р. работе, так мы добудем эти материалы без Вас.

1-го февраля дали мне подписать обвинительное заключение в принадлежности к зиновьевской к.-р. револю. организации, отвели обратно в камеру и я стал ждать. Чего? Вызова руководством НКВД, пред'явления материалов следствия, Военного суда, возможности писать в ЦК - ведь все это было мне обещано.

Потянулись томительные дни одиночки, без книг, без газет, под тем-же неслабым наблюдением через глазок уже не поминутно, а через 10-15 минут, как на зверя, нрав которого уже был изучен с той лишь разницей, что зверь в своей клетке мог как он хочет, где он хочет стоять, сидеть, лежать; я же не мог подходить к окну, не мог стоять у дверей, не мог при бессонных ночах, до воспаления утомленных глаз - закрыть голову от никогда не гаснувшего электрического света.

Я всеми силами старался осмыслить все происшедшее, которое все больше стало казаться не сном, а подлинной горькой действительностью. Да, я в тюрьме, меня считают преступником, от меня требуют во имя интересов партии под огромным психологическим прессом оди^{но}чной камеры Внутренней тюрьмы НКВД, показаний о каких-то мне неизвестных к.-р. деяниях, от меня уже добились подписи под сочиненными следователем, не соответствующими исти-

не якобы моими показаниями. Мне пред'явили тягочайшее обвинение, об'явили контр-революционером, посадили в тюрьму, грозят судом, Военной Коллегии, с перспективой 10 лет тюрьмы, а может быть и расстрела. Что это значит? Ведь это все не во сне, а на-яву, это действительность!

Неужели я не увижу человека, который хотя бы как-нибудь, но по-человечески, живыми об'яснил-бы мне, что это все значит.

Я требую разрешенную 1/32 листа бумаги, прошу 4/П доложить Наркому или Зам. вызвать меня к ним. Ответа нет. Очевидно, колесо следственного аппарата за-вертелось и сочиненный следователем протокол о, якобы, моих показаний уже пущен в дело.

Чтобы предупредить возможные ошибки на основе этого протокола, до вызова меня руководством, 7/П я пользуясь 1/32 листа, пишу следователю заявление (с просьбой приложить его к протоколу). В этом заявлении я, насколько позволяли размеры бумаги, пишу, в чем неправильность составленного следователем и подписанного мною протокола. Вновь прошу вызвать меня.

Грубое молчание было ответом и на мое второе заявление. Тем временем ко мне поселили двух довольно подозрительных личностей, перебрасывали нас троих из камеры в камеру и 18/П меня переселили в камеру к людям действительно арестованным по политическим делам, участия в той или иной антипарт.к.-р. группировке.

Из разговора с ними я узнал о той подпольной работе, которая ведется в партии различными группами; из разговора с ними я видел, что ведется действительно следствие: обвиняемым пред'являют тот или иной уличающий их следственный материал. Этот материал проверяется, в случае сомнения или отрицания со стороны обвиняемых делаются очные ставки.

Я был уверен, что наступило время, когда и мне будет пред'явлен какой-нибудь материал, доказывающий мою виновность, он будет проверен и тогда выяснится вся ошибочность моего ареста, ошибочность пред'являемых мне обвинений, будет раз'яснена мне цель требования от меня подписи заведомо неправильных, сочиненных следователем, якобы моих - "показаний".

Прошло еще 1½ томительных и мучительных месяца. Я был арестант, находился в стржайшей изоляции. За какие-то неведомые мне преступления, по каким-то неведомым мне материалам, меня считают преступником. Считает - это партия, в рядах которой я пробыл свыше 18 лет, в которой я рос, воспитывался, с оружием в руках боролся за завоевание пролетариатом власти, отстаивал защищал эту власть почти на всех фронтах гражданской войны, строил социализм, всегда весь до конца отдавая себя на служение делу революции. Теперь меня обвиняют в контр-революции.

В долгие томительные от безделья дни, в изнурительные от бессонницы ночи, в мучительно-гнетущей об-

становке тюрьмы я обдумывал и перебирал по годам, месяцам и даже дням всю свою прошедшую жизнь, начиная от мальчика-пастуха белорусской крестьянской семьи, придавленной тройным прессом помещичьего гнета, нищеты и беспросветной темноты. Передо мной проходили годы скитания по заработкам на черных работах в Польше, разбитые войной надежды уехать в Америку и продать свои рабочие руки на с'едение американскому капиталу, тщетные попытки выбиться за пределы кругозора знаний, вынесенных из сельской школы. Но самое большее что мне дал старый строй - это годовое бесплатное обучение на вечерних курсах и койку в бараке и то, как беженцу, в уплату за разорение и бегство от войны всей семьи, гибели двух ее членов.

Рабочий класс Питера, в ряды которого я попал, гонимый войной, указал мне дорогу по которой надо идти. И я пошел, начиная с 16г., весь до конца, беззаветно отдавая себя революции. И только революция, только партия, в ряды которой я вступил еще юношей, только советская власть, которую я завоевывал, а потом защищал с оружием в руках, от всевозможных врагов, которую я строил, создавал, открыла передо мной такие горизонты и возможности, до которых мои мечты никогда не поднимались. Я окончил ВУЗ, стал доцентом, затем профессором, приобщился к источникам всего богатства человеческой культуры, стал на руководящие командные посты строительства социализма, открывшего не только для меня, но

и для сотен миллионов людей величайшие возможности творческой радостной и счастливой жизни. Почему я должен выступать против этой революции, собственными руками которую я делал, защищал, которая засветила таким ярким светом мне, моей семье, сотням миллионов людей, населяющих нашу страну и стала спасительным маяком, указывающим путь, по которому надо идти всему остальному человечеству, стонущему под игом контр-революции.

Почему я должен выступать против своей партии, которая подготовила эту революцию, руководила массами, творившими эту революцию, против партии руководящей строительством социализма.

Почему я должен выступать против руководства этой партии, когда это руководство вопреки многим сомневающимся (в том числе отчасти и мне) в правильности линии партии борющихся против этой линии - оказалось во главе с тов.СТАЛИНЫМ - гениально мудрым, правильным и твердым, и благодаря этому руководству мы достигли таких успехов? Нет, тысячу раз нет, я не контр-революционер, не враг партии и возведенное на меня обвинение есть самое чудовищное недоразумение, самое ужасное и позорное пятно для меня.

Это не значит, что мой партийно-политический путь был безупречен, что у меня не было ошибок, - нет, они были. Я, как многие и многие тысячи членов партии, делал ошибки, на этих ошибках рос, учился, закалялся. Трудно себе представить, чтоб в миллионной партии все

члены были без ошибок. Нигде не было-бы проблемы роста и воспитания членов партии. Моей основной ошибкой, длившейся много лет, определившей мое голосование за бухаринскую платформу 1921г. за резолюции оппозиции 1923г. и в значительной мере в 1926-27г.г. был взгляд на внутрипартийную демократию, допускавшую существование внутри партии различных течений (перераставших, как я увидел позже, неизбежно во фракцию). Этот взгляд у меня не был изжит до конца 1927г. до того момента, когда зиновьевско-троцкистская оппозиция докатилась до открытой уличной к.-р. борьбы против партии.

Остальные вопросы, по которым я иногда солидаризировался с оппозицией, хотя и были значительным, но колебания по ним были кратковременны.

Обо всех этих вопросах я подробно говорил на всех чистках, никогда их не скрывал и партии об этом было хорошо известно, но этим моим ошибкам партия уже вынесла свое суждение. Но и в тех вопросах, в которых я ошибался, моя вина была не столько в том, что я по либеральному относился к борьбе с оппозицией по многим вопросам борьбы с ней не вел до 1928 года. В этом моя была большая ошибка, которую я осознал уже давно и по мере сил своих старался исправить.

Но как-же увязать это мое заявление с фактом выступления на партсобрании завода "Большевик", подтвержденным белорусскими организациями? Я уже подробно излагал, как было прописано мне этот тезис троцкистско-зиновьевской оппозиции и еще раз утверждаю, что это есть вы-

мысел. Ведь если на минуту представит, что это верно, то каждый скажет, какой не сошедший с'ума человек, годы работавший после признания своих ошибок честно, вдруг, в момент напряженнейшего положения в партии, в момент величайшей бдительности пойдет на закрытое партсобрание и будет говорить то, что приписывается мне? Не допустим на одну минуту (только на одну минуту), что такой человек нашелся и высказал антипартийные взгляды и здесь же на собрании, как только ему было заявлено, что это неверные взгляды, он от них отказался, заявил, что это ошибка, подробно раз'яснил какие его действительно взгляды не расходящиеся с партией, десятки раз письменно и устно повторивший эти правильные взгляды, везде где только сомневались в этом. Ну, какой же это политический противник, а тем более преступник? Кто же так серьезно защищает свои взгляды? Но я повторяю, что этого не было. Нельзя же мне ставить за смертный грех, исключать из партии, сажать в тюрьму, об'являть врагом народа лишь за то, что я многие вопросы в своем докладе не осветил, упустил, многие не предвидел, тем более, что все эти вопросы прямо в тему доклада не входили. О своих же ошибках в прошлом я заявлял, признавал их десятки раз, партия их разбирала и нельзя требовать от меня, чтобы я на каждом собрании всю свою жизнь о чем-бы я не говорил обязательно докладывая о своих ошибках, совершенных в годы молодости политической и физиологической. Именно этого хотели от меня бе-

лорусские организации не раз до этого собрания без всякого повода напоминавшие мне о моих давно прошедших ошибках, создавших невозможную для работы обстановку.

Я не могу поверить, чтобы наша партия так судила, подробно не разобралась, не расследовала всего дела. Не может меня партия судить за ошибки, сделанные 7-12 лет тому назад, которые я давно осудил сам. Тем более, что мы имеем тысячи членов партии, в том числе и членов ЦК, которые совершали гораздо большее количество и глубже качественно ошибки и тем не менее, эти люди работают в рядах партии, участвуют в общем социалистическом строительстве.

Почему же такое отношение ко мне?

Так проходили дни, недели и месяцы в этих мучительных думах. Уже не было того режущего по нервам ощущения от специфического скрежета тюремных замков, от шелканья все реже и реже открывавшегося глазка и с лишним интересом наблюдавшегося за мной через него глаза. Только душу раздиравшие ночные крики заключенных, чьи нервы не могли выдержать психической пытки пребывания в тюрьму - заставляли не-человечески напрягать каждый нервный атом, затыкать уши, чтоб самому не зареветь. Но ни на одну минуту не проходит придавленность и состояние чудовищной тяжести, придавившей человека, сознание своего бессилия, своей беспомощности.

Я подавал еще ни одно заявление следователю с просьбой доложить руководству и вызвать меня; ответ один - молчание.

И только 3/1У, т.е. через 2½ месяца после ареста, меня вызывает следователь и об'являет, что дело мое уже закончено и есть решение заключить меня на 5 лет в концлагерь. По моей настоятельной просьбе уже 4/1У после решения совещания меня вызывает зав.СПО МОЛЧАНОВ. Я хотел узнать, за что же меня сажают в тюрьму, МОЛЧАНОВ дал уже приводившийся мною ответ: "за то, о чем Вас допрашивали." Когда же я заявил, что так называемый протокол допроса совсем не соответствует моим показаниям, что он сочинение следователя, - МОЛЧАНОВ, хотя менее грубо, чем следователь, но довольно грозно заявил, что: - "У нас только белогвардейцы отказываются от своих показаний подписанных, или и Вы поступаете, как белогвардеец. Кто Вас этому научил - отказываться от своих показаний, с кем Вы сидели в камере?"

Тон его ответа был безапелляционный, угрожающий, я не стал с ним спорить, недоуменно пожал плечами, сказав: "А все-таки все, что написал следователь - это неправда и я не знаю за что иду на 5 лет". И уже в последний день, кажется при свидании с родными на этот же недоуменный вопрос "за что я иду на 5 лет", следователь так раз'яснил: "Так Вы все не знаете за что идете на 5 лет? Вот за пять лет Вы надеюсь узнаете, времени Вам хватит поразмыслить над этим, а если и через пять лет Вы все-таки не догадаетесь, то мы Вам еще 5 лет прибавим. Уж за 10 лет наверное узнаете", - закончил он спокойней и довольней. А затем как-бы давая оценку всей моей прежней работы, он добавил: "А Вы,

ГОЛЕНДО, порядочно поездили на шее у советской власти, хватит с Вас".

Итак, сравнение с белогвардейцами, эпитет паразита ездившего на шее советской власти, были последние слова, которые я слышал от представителей партии и соввласти в НКВД перед отправкой в тюрьму.

Дали мне 15 минут на свидание с родными и отправили под усиленным конвоем в Челябинск.

Итак, я в тюрьме, я вне партии, я контр-революционер, при обыске у меня забрали и конфисковали часть имущества, даже не выдав никакой расписки, не представив никакого постановления о конфискации, конфисковали все наличные средства на сберкнижке, оставшиеся члены семьи на моем иждивении сидят без средств.

Я сижу в тюрьме в нечеловеческих условиях, сижу на цементном полу, сплю на железных нарах без матраца при наличии суставного ревматизма и ишиаса (воспаление седалищ. нерва обеих ног) с мучительными болями уже опухающих суставов, сижу с 6 чел. в маленькой камере, где повернуться негде, при строгой изоляции, охраняемой вооруженными часовыми, частью превращаясь в звероподобное животное.

Полутарометровые стены и решетки окон этой военнокаторжной тюрьмы, куда я посажен, кажется слышат мой стон протеста против чудовищной ошибки, которая произошла в моем "деле". Я ее могу объяснить только той огромной работой, которую пришлось партии и органам НКВД

проделать по ликвидации остатков анти-партийных к.-р. группировок, и в такой большой работе неизбежно бывают ошибки. Но ошибки всегда можно исправить. Я глубочайше убежден, что партия разберет мое дело и выправит ошибку совершенную белорусскими организациями и аппаратом НКВД надо мной. Я ведь прошу об одном на что имеет право каждый человек - расследовать и разобраться в моем деле, что у нас делается по отношению к каждому человеку, особенно в настоящий момент, когда тов.СТАЛИН дал лозунг внимательного, бережливого отношения к человеку. А ведь вопрос идет о жизни в буквальном смысле этого слова, человека.

Мои политически ошибки, которые я сделал в прошлом, если подлежат дополнительному наказанию, к тому, что уже партия в свое время их наказывала, то они тысячу раз наказаны теми физическими, а особенно психологическими, моральными страданиями, которые я испытал в постишей меня каре за эти полгода.

Тяжело, мучительно тяжело носить страшное пятно контр-революционера, будучи всем существом безгранично преданным революции, своей партии, которая под руководством своего гениального вождя тов.СТАЛИНА творит величайшее в истории дело - руководит строительством грандиозного здания социализма. Победный грохот и шум этого строительства, радостные крики его счастливых участников, проникают сквозь стены тюрьмы, делают втрое

мучительной мою бесцельную жизнь в стране от этой радостной работы.

Я прошу партию снять с меня кайнову печать контр-революционера, дать возможность выйти равноправным членом в семью трудящихся нашей страны, а затем в ряды своей коммунистической партии.

М. РОЛЕНДО.

Челябинская тюрьмы.

1/IV-35г.

Верно: *Уполн. 1 Сиб губ НКВД*

С П Р А В К А .

ГОЛЕНДО, Матвей Семенович - 1894г.рожд., уроженец дер.Климовичи, Гродненской губ.(ныне Польша), гр.СССР, бывш.член ВКП(б) с 1916г., исключен из партии в 1935г. за к.-р.троцкистскую вылазку. Подвергался партвыска- ниям: в 1928г. за антипартийную деятельность в зиновьевской оппозиции; в 1930г. за недопустимо заносчивое и грубое отношение к товарищам; в 1933г. за антипар- тийные разговоры и в 1934г. за сознательное нарушение постановления СНК СССР.

До ареста работал председателем Госплана БССР.

Активный участник троцкистско-зиновьевского к.-р. блока, был связан и встречался с КАМЕНЕВЫМ, ФЕДОРОВЫМ, БАБАХОНОМ и рядом других участников троцкистско-зиновьевской к.-р.организации.

8-го января 1935г. на партсобрании завода "Большевик" в Минске в своем докладе "Об итогах ноябрьского пленума ЦК ВКП(б)" повторил троцкистский тезис о заси- лии кулацкой стихии в стране, об'яснив введение карточ- ной системы в 1928г., как результат бессилия партии в борьбе с кулаком, совершенно обошел вопрос об убийстве тов.КИРОВА и не разоблачил роли ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА, как вдохновителей этого белогвардейско-фашистского ак- та. На задаваемые ему вопросы об его прошлой антипар- тийной деятельности в рядах к.-р.троцкизма - отделявал- ся ответами антипартийного характера, не по существу заданных вопросов.

На следствии ГОЛЕНДО показал, что с 1921г. по 1935г. вел борьбу с партией в рядах разного рода оппозиций, в 1928г. заявил об отходе от оппозиции, не изменив своих антипартийных взглядов и сохранив связи с рядом единомышленников (РЕЙНГОЛЬД, СМЛГА, ТУМАНОВ) и признал, что его антипартийное выступление на партсобрании завода "Большевик" является результатом неизжитых троцкистских взглядов.

Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 26/III-1935г. заключен в политизолятор на 5 лет.

Содержится в Челябинском политизоляторе НКВД в общей камере, рассчитанной на 9 чел., в которой находится в настоящее время 6 чел. -

НАЧ. СЕКР. - ПОЛИТ. ОТДЕЛА
ГУГБ:

/Г. МОЛЧАНОВ/

" " июля 1935г.

ДВУРУШНИКИ ИСКЛЮЧЕНЫ ИЗ ПАРТИИ.

(НАРКОМЗЕМ СССР).

Партийная организация Наркомзема СССР исключила из рядов ВКП(б) активнейшего участника бывшей троцкистско-зиновьевской оппозиции **И. И. Рейнгольда**, работавшего начальником Главного хлопкового управления Наркомзема.

В течение восьми лет Рейнгольд поддерживал самые близкие отношения и тесную связь с гнусным подонком троцкистско-зиновьевской оппозиции **Л. Я. Файвиловичем**, арестованным по делу об убийстве тов. С. М. Кирова.

Рейнгольд был в троцкистско-зиновьевской оппозиции вместе с Файвиловичем, активно содействовал возвращению последнего в ряды партии. Рейнгольд добился того, что Файвилович возглавлял важнейший участок работы в области сельского хозяйства — ирригационное строительство и сделал Файвиловича своим фактическим заместителем по Главному хлопковому управлению.

Рейнгольд, прикрываясь доверием партии, предоставил в своем аппарате убежище помимо Файвиловича и другим участникам бывшей троцкистско-зиновьевской оппозиции (Колчин, Петров, Лозовский, Хворостинский, Мамченко, Корнели и Дьяков).

Он устраивал их на работу не только в центральном государственном аппарате, но и кое-где в местном аппарате хлопкового управления. За это Рейнгольду партийным комитетом в прошлом году был объявлен строгий выговор. Но это не изменило его поведения.

В компании с Бакаевым, Радиным, Пикелем и другими бывшими оппозиционерами Рейнгольд в октябре 1933 года участвовал в похоронах оппозиционера Богдана,

личного секретаря Зиновьева. За демонстративное участие в этих похоронах Рейнгольду был объявлен партийным комитетом строгий выговор с предупреждением.

Комиссия по чистке также указала Рейнгольду на непартийный характер его поведения.

Однако Рейнгольд наглым образом игнорировал эти предупреждения. Он оставался верен своим зиновьевско-троцкистским традициям и связям. Он систематически уклонялся от участия в жизни и работе своей партийной организации.

Одновременно вскрылось и нездоровое состояние партийной организации хлопкового управления: потеря революционной бдительности отдельными коммунистами, проявление гнилого либерализма. «Коммунист» Кацман, друживший с Файвиловичем, и поныне считает этого фашистского ублюдка «хорошим большевиком». Другой «коммунист» — Волосов поддерживал тесные связи со всякими чуждыми людьми. Оба они исключены из ВКП(б).

Некоторые коммунисты (Купцов, Морозов, Козлов и др.) пытались смазать партийную суть дела о Рейнгольде. Партком осудил подобные гнилые, примиренческие настроения.

Пребывание в течение ряда лет в Наркомземе Файвиловича — гнусного последыша зиновьевско-троцкистской оппозиции, антипартийное поведение Рейнгольда и неблагополучие в партийной группе Главного хлопкового управления — серьезнейший урок, свидетельствующий о недостаточной революционной бдительности в партийной организации Наркомзема СССР.

П. ПЕТРУНИН, Б. ИГРИЦКИЙ.

Антипартийные откровения Голенды.

МИНСК, 10 января. (Морр. «Правды»). Сегодня газеты «Звезда» и «Рабочий» выступили с разоблачением антипартийной вылазки председателя Госплана и заместителя председателя Совнаркома Белоруссии Голенды на партийном собрании минского кожевенного завода «Большевик».

Голенда, докладывая об итогах ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б), обошел молчанием борьбу партии с контрреволюционной троцкистско-зиновьевской оппозицией.

Значение отмены карточной системы Голенда трактовал на троцкистский лад. Он высказался в том смысле, что введение карточной системы являлось якобы следствием бессилия партии в борьбе против кулацкой стихии.

Если вспомнить, что Голенда в 1925 году являлся активным сторонником троцкистско-зиновьевского хлебофуражного баласа и утверждал вместе с троцкистами, что основная масса хлеба находится в руках кулака, то станет ясным, что троцкистское выступление Голенды не случайно.

Коммунисты и рабочие кожевенного завода дали резкий отпор троцкистскому вы-

ступлению Голенды. Они потребовали, чтобы он рассказал о своем прошлом и теперешнем отношении к троцкистам и зиновьевцам. Вместо ответа по существу Голенда вельможено произнес:

— Я не приехал на собрание рассказывать о своей биографии, а сделал доклад о решениях Пленума.

Когда же собрание еще более настойчиво потребовало ответа на вопрос и потребовало также рассказать, как Троцкий, Каменев и Зиновьев боролись против партии в Октябрьские дни и позже, Голенда ответил:

— Это не по существу доклада и никак не относится к ноябрьскому Пленуму ЦК.

В заключительном слове Голенда окончательно распоясался. Он пытался оправдать убийство товарища Кирова безвыходностью оппозиции.

Партийное собрание завода «Большевик» резко осудило выступление Голенды как антипартийное, троцкистско-зиновьевское.

ЦК КП(б)Б до сих пор никакого решения по поводу выступления Голенды не вынес.

63

125

13

«АНТИПАРТИЙНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ ГОЛЕНДО».

МИНСК, 12 января. (По телеграфу). Сообщенные факты в заметке «Антипартийные откровения Голендо», помещенной в № 11 «Правды», совершенно правильные. Голендо в своем выступлении на партийном собрании завода «Большевик» 8 января явно показал, что он не изжил своих антипартийных зиновьевско-троцкистских контрреволюционных взглядов.

Постановлением бюро ЦК КП(б)Б от 10 января Голендо с поста председателя Госплана и заместителя председателя Совнаркома Белоруссии снят и выведен из состава членов ЦК. 13 января решается вопрос о его партийности в связи с дополнительным расследованием дела Голендо партийной коллегией Комиссии Партийного Контроля.

Кроме того, исключен из партии и снят с работы уполномоченный Наркомвнешторга, ранее состоявший в подпольной зиновьевской организации, **Флиор**, отказавшийся по предложению парторганизации выступить на партийном собрании с докладом о решениях Пленума ЦК ВКП(б), а также с критикой и разоблачением своего активного в прошлом участия в антипартийной зиновьевско-троцкистской группе.

Секретарь ЦК КП(б)Б ГИКАЛО.

Голендо исключен из партии.

МИНСК, 13 января. (Морр. «Правды»). В связи с фактами, о которых сообщалось в заметке «Антипартийные откровения Голендо» (см. «Правду» №№ 11, 13), партколлегией Комиссии Партийного Контроля по Белоруссии и бюро Центрального комитета коммунистической партии Белоруссии исключили Голендо из партии.